

И.И.6.24 II. 1-4

№ 9.

Е. С. Писемский

из собрания.

Рим. 1880. 4 док.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ПОЭЗІИ

КАМПИНАХЪ

и

АПОЛЛОНИЙ РОДОССКІЙ.

— — — — —

РѢЧЬ

произнесенная преподавателемъ

Б. А. Мичевецкимъ

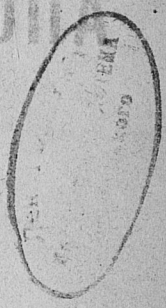
на годи́чномъ актѣ рижской Александровской гимназіи
13-го іюня 1878 г.

ПЕЧАТЪ КОМПЕТЕНТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

КАМЕННАЯ

И

ПОКЛОНІИ РОДОСКИИ

Q3091

БАР

ПРОНАМЕНІЕ ПРОВОДЯТЕЛЕМ

А. А. Давыдовъ

18-го июля 1878 г.
 18-го июля 1878 г.
 18-го июля 1878 г.

Аполлоній Родосскій и Каллимахъ представители Александрійской поэзіи*

Общій характеръ Александрійской поэзіи.

Въ концѣ IV и началѣ III вѣка до Р. Хр. состояніе греческой образованности было слѣдующее. Въ Аѣинахъ существовала, такъ называемая, новая комедія, какъ простые образцы нравовъ и характеровъ изъ частной, домашней жизни. На греческихъ островахъ, куда бѣжали отъ внутреннихъ смутъ аѣинскіе ученые, продолжала существовать элегія; во всей же Греціи мѣсто недостающаго генія и высшаго вдохновенія заняло усидчивое прилежаніе, изученіе образцовъ литературы прежняго времени и подражаніе этимъ образцамъ. Повсюду возникали школы, гдѣ усердно изучались Гомеръ, Гезіодъ, философы, ораторы; и учителями этихъ школъ, грамматиками и софистами, всѣ научныя занятія, не имѣвшія уже примѣненія къ жизни и

*) Главнѣйшіе источники: Bernhardt G. Grundriss d. Griech. Litteratur III Bearb. 1867—72 Nicolai R. Geschichte d. Griech. Lit. 1866. Heyne C. G. Opuscula academica. v. IV. Sturz F. G. De dialecto Maced. et Alexandr. 1808. Apollonū Rhodū Argonautica, rec. Merkel 1852.—с. appar. et. prolegg. 1853—54. emend. ed. R. F. C. Brunk (cuv. G. Schäfer) 1810—13. Callimachi elegiarum fragmenta, coll. et illustr. a L. C. Valckenaer. 1799. Hymni et epigr. ed. Meineke 1861. ed. Schneider. 1870—73. Оѣоокритъ, третьемъ представителѣ Александрійской поэзіи, см. наше изслѣдованіе: «Идилліи Оѣоокрита». Воронежъ 1876.

къ государственному строю, перенесены въ кабинеты. Такимъ образомъ, философія обратилась къ діалектическимъ тонкостямъ; исторія стала признавать своею послѣднею цѣлью не прагматизмъ и даже не пользу читателя, а занимательность предмета и ораторское украшеніе. Тоже нужно сказать и о прочихъ существовавшихъ тогда наукахъ, которыя, подобно философіи и исторіи, направлены были къ остроумію и удовлетворенію любопытства. Александрія должна была усвоить и продолжать существующее направленіе. Но, кромѣ этого, александрійскіе поэты имѣютъ еще другой, имъ только свойственный характеръ. Александрія, цвѣтущій городъ Египта и всего побережья Средиземнаго моря, составляла какъ бы всеобщій форумъ тогдашняго міра. Естественнo, что въ этомъ городѣ должны были явиться наиболѣе благопріятныя условія для соединенія наукъ и литературъ всѣхъ приходившихъ въ соприкосновеніе съ александрійцами народовъ, а отсюда слѣдовалъ болѣе изысканный образъ жизни, общее стремленіе къ изяществу не только въ жизни, но и въ литературѣ, сообщавшее александрійскимъ поэтамъ особенный характеръ. Александрійскіе поэты имѣютъ свою пріятность, свое изящество и нѣкоторую увлекающую простоту, но нельзя не замѣтить, что эти качества отдѣланны, изысканны, общія съ изящствомъ всего строя жизни этой эпохи. Ихъ чистая, правильная и изящная рѣчь всегда будетъ возбуждать удивленіе и похвалу, но при первомъ же знакомствѣ съ александрійскими поэтами становится очевиднымъ, что въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего возвышеннаго, величественнаго, нѣтъ смѣлаго и высокаго полета фантазіи. Они нелегко охватываются божественнымъ порывомъ и восторженностью, и съ трудомъ отдаются высокимъ мыслямъ и глубокимъ наблюденіямъ. И хотя они почти совершенно чужды недостатковъ и ошибокъ, но все же не возбуждаютъ нашего вниманія ни возвышенностью содержанія или высокими мыслями, ни блестящими образами, и ко всѣмъ имъ одинаково относится отзывъ, высказанный Лонгиномъ объ Эратосфенѣ: „при нѣкоторой ровной посредственности, во всемъ безупреченъ и чуждъ всякаго уклоненія“ (Longin. Sect. 33 ap. Neun. 81). Потому нѣтъ у нихъ и принятой у классическихъ писателей мѣры въ рѣчи (*numerus*), которая присуща сочиненіямъ, проникнутымъ вдохновеніемъ.

И если нѣкоторые изъ александрійскихъ писателей и получили извѣстность и память у потомства, то это тѣ поэты, которые обрабатывали родъ поэзіи, неизвѣстный древнимъ, это идиллики: Θεокритъ, Βιονъ и Μοσχъ. Καλλιμαχъ заслуживаетъ вниманія въ исторіи литературы далеко не своими гимнами, за которые онъ славился и считался придворнымъ поэтомъ, но за элегіи, потому что у него, какъ это оказывается при внимательномъ чтеніи его произведеній, при всей громадной учености и величайшей техники, замѣтныхъ въ каждомъ стихѣ, недоставало самаго главнаго, таланта. Главнѣйшій поэтъ Александрійской эпохи, Απολλόνιος Ροδωσικίης, писатель съ глубокой ученостью, изяществомъ и изысканностью въ рѣчи, владѣвшій особенной изобрѣтательностію и умѣньемъ располагать части и доводы эпическихъ стихотвореній, не смотря на громадный свой трудъ, пользуется далеко не великой славой.

Особенно замѣчательную характеристическую черту александрійскихъ поэтовъ составляетъ ихъ забота о деталяхъ, о технической обработкѣ; поэтому образъ выраженія у нихъ большею частью важный, строю риторическій и гораздо рѣже простой и безыскусственный. Музыкальность рѣчи, искусство въ расположеніи доводовъ и частей стихотворенія, искусственность фразъ, нарочная темнота (Λικοφρονίη) у нихъ стоятъ на первомъ планѣ. Въ искусствѣ построенія стиха, особенно гексаметра, въ просодическихъ тонкостяхъ и въ размѣщеніи словъ они оказывали великую, чрезвычайно кропотливую заботу и слѣдовали извѣстнымъ своимъ наклонностямъ (напр., къ γ. spondaicus) и такъ какъ не установились еще правила и формы поэтическихъ стихотвореній, и каждому предоставлялось выбирать любую форму, или же изобрѣтать новую, то наклонность къ внѣшнимъ формамъ вела къ тому, что нѣкоторые старались возбудить удивленіе или игривой надписью, или небывалымъ видомъ стихотворенія (форма крыльевъ, топора, треугольника, особенно у Σιμίаса Ροδωσκαго; есть и у Θεокрита).

Неменѣе замѣчательнымъ свойствомъ писателей этого вѣка является то, что у всѣхъ ихъ на первомъ планѣ стоитъ страсть къ изученію многихъ разныхъ наукъ, особенно древней міеологіи и древней исторіи, и къ щегольству этой ученостію. Начитанность у нихъ выше дарованія; и

у наиболѣе выдающихся поэтовъ, Каллимаха и Аполлонія Родоскаго, это болѣе всего замѣтно. Такимъ образомъ, содержаніе ихъ трудовъ заимствовано или изъ древней мѣологии, или изъ наукъ: астрономіи, географіи, физики, что происходило оттого, что отъ всякаго образованнаго чело-вѣка этого времени требовалась ученость, а пото-му представители тогдашней образованности, александрій-скіе поэты, болѣе всего и отличались разнообразной и бо-гатой ученостью. Изъ всѣхъ александрійскихъ поэтовъ едва-ли найдется одинъ, который бы не былъ вмѣстѣ и грамма-тикомъ, философомъ, математикомъ и историкомъ. Калли-махъ, напр., былъ вмѣстѣ поэтъ, философъ, грамматикъ, историкъ; Аполлоній Родосскій тоже изящный поэтъ, тон-кій грамматикъ, остроумный риторъ и обширный историкъ. Аратъ былъ вмѣстѣ поэтомъ, философомъ и астрономомъ. Всякій поэтъ долженъ былъ быть вмѣстѣ и грамматикомъ.

Наравнѣ съ обильной и блуждающей ученостью ока-зывала большой вредъ александрійской поэзіи спокойная и отрѣшенная отъ всякаго участія въ дѣлахъ общественныхъ жизнь александрійскихъ ученыхъ въ Музеѣ. Музей, един-ственное ученое учрежденіе во всемъ тогдашнемъ мірѣ, составлялъ часть дворца Птолommeевъ и доставлялъ жившимъ въ немъ ученымъ помѣщеніе и средства. Этихъ ученыхъ всегда было опредѣленное число, и здѣсь они, составляя свои, такъ сказать, факультеты, при разныхъ литератур-ныхъ стремленіяхъ, собирались къ общему столу (ἡ ἐν Μουσεῖοι σίτησις) и дѣлали общія засѣданія. Здѣсь же устраи-вались состязанія между поэтами и риторами, здѣсь же раздавались и назначались награды за ученые работы. Тутъ же находилась богатая и прекрасно устроенная биб-ліотека, гдѣ члены Музеи всецѣло могли отдаваться наукѣ. Повидимому такое близкое единеніе и общеніе умовъ, на-ходившихся подъ однимъ кровомъ, при покровительствѣ и щедрости царей, должно было въ высшей степени благо-творно дѣйствовать на ученыхъ; но не таковы были по-слѣдствія этого сожителства. Живя въ Музеѣ, составля-вшемъ часть дворца Птолommeевъ, поэты, какъ и ученые, стали заботиться о славѣ, громкомъ имени, и примѣняться къ господствующему вкусу. Сатирикъ Тимонъ Фліасійскій называетъ Музей птичникомъ, въ которомъ бесконечно спо-рять философы. Athen I. XLI ed. Schweig. 1801.

Если общественная и государственная жизнь эпохи Птоломеевъ не могла дать пищи поэзіи и вызвать своихъ пѣвцовъ, то, съ другой стороны, сами поэты своими произведеніями не могли возбудить сочувствія въ обществѣ и оказать на него животворнаго вліянія. Причиной этого было, какъ самое содержаніе поэтическихъ произведеній — то заимствованное изъ древней міеологіи, исторіи, то исполненное лести правителямъ, или хвастовства формами изложенія далеко не возвышенныхъ предметовъ, такъ и самый языкъ этихъ произведеній, который былъ тогда языкомъ книжнымъ, языкомъ ученыхъ, и далеко отличался отъ языка народнаго, языка массы, общества. Именно въ этотъ періодъ послѣдовало рѣшительное раздѣленіе между языкомъ народнымъ и книжнымъ. Народнымъ, или лучше сказать разговорнымъ языкомъ въ александрійскую эпоху былъ языкъ македонскій, который, бывъ до того времени языкомъ мѣстнымъ, сдѣлался государственнымъ языкомъ всѣхъ покоренныхъ народовъ, съ тою, между прочимъ, особенностью, что принимавшіе его, *Hellenizantes*, дѣлали въ немъ нѣкоторыя измѣненія, сообразно съ особенностями своего быта и духомъ роднаго языка (*Populi bilingues*). Александрійскій діалектъ былъ тоже не болѣе какъ мѣстная вѣтвь македонскаго языка, и долженъ былъ еще формироваться и обогащаться запасомъ новыхъ понятій; потому что языкъ аттическій уже потерпѣлъ свои измѣненія въ этимологіи и въ синтаксисѣ, а *dialectus communis* только начиналъ формироваться. Естественнo, что стихотворенія александрійскихъ поэтовъ, такъ и оставались учеными стихотвореніями, не проникали въ массу общества и не оказывали того дѣйствія, какого слѣдовало бы отъ нихъ ожидать. Наконецъ, самая стихотворная форма, въ которой, по господствовавшей тогда модѣ, излагались самые разнообразныя предметы — исторія, ботаника, медицина, астрономія, едва ли могла возбуждать сочувствіе. Въ древности въ формѣ стихотвореній излагались ученые предметы, не потому, чтобы философъ этимъ желалъ выказать искусство въ изложеніи предмета тяжелаго и неподходящаго къ стиху, но потому, что проза или не была еще готова, не была достаточно развита сообразно своей цѣли и самому предмету, или не такъ легко давалась автору какъ гекзаметръ; да наконецъ, философское изреченіе въ формѣ гекзаметра легче могло удержаться въ памяти.

жаться въ памяти. Такимъ образомъ, у грековъ первоначально ученое стихотворство явилось естественно; оно произошло изъ дѣйствительной необходимости духовнаго образованія. Но у александрійскихъ писателей стихотворная форма произведеній есть плодъ ученаго остроумія. Она показываетъ, что содержаніе поэзіи исчерпалось, и что таланты, не находя для себя пищи въ окружающей жизни, бросаются на всѣ предметы, какіе только могутъ подлежать знанію.

Аполлоній Родосскій.

О жизни Аполлонія Родосскаго, представителя героическаго эпоса и автора *Аргонавтикъ*, мы знаемъ очень не много. Изъ приложенныхъ къ нему схолій извѣстно, только, что онъ родился въ Александріи; былъ сынъ неизвѣстнаго намъ Силлея, и учился у Каллимаха. Съ раннихъ лѣтъ занимался поэзіей и обрабатывалъ легенду о походѣ *Аргонавтовъ*. Но когда онъ представилъ этотъ свой трудъ Каллимаху, послѣдній осмѣялъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ ученые. Не будучи въ состояніи перенести этого стыда, онъ удалился на островъ Родосъ, гдѣ посвятилъ себя изученію и преподаванію поэзіи. Послѣднее было такое блестящее, что родосцы, въ знакъ своего уваженія къ поэту, дали ему право гражданства, и съ этого времени Аполлоній, александріецъ, сталъ называться родосскимъ. Уже въ послѣдствіи, со вновь обработаннымъ и вполне оконченымъ своимъ произведеніемъ онъ воротился въ Александрію, гдѣ былъ оцѣненъ по достоинству, и завѣдывалъ александрійской бібліотекой. Больше о его жизни ничего неизвѣстно. Годъ рожденія и смерти тоже неизвѣстенъ. Отношенія его къ Каллимаху были самымъ замѣчательнымъ моментомъ его жизни; къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало объ этомъ свѣдѣній. Можно только догадываться, что между учителемъ и ученикомъ наступило разногласіе въ принципахъ, которое нуждалось только въ поводъ, чтобы перейти въ личную вражду *). Въ это время школа Каллимаха

*) Извѣстно, что Каллимахъ писалъ на Аполлонія эпиграммы и даже цѣлое сатирическое стихотвореніе *Ἰβίς*, отъ котораго впрочемъ дошли до насъ незначительныя отрывки.

устроивала не просто область филологій, требуя полноты реальной учености, но чрезъ извѣстные правила опредѣляла формы и основанія поэтического представленія, все болѣе и болѣе отъясняя поэзію въ свой внутренней кругъ, дѣлая ее болѣе результатомъ школы и ученыхъ изслѣдованій, чѣмъ популярной и индивидуальной. Между тѣмъ Аполлоній, по всей вѣроятности, мало давалъ значенія антикварнымъ изслѣдованіямъ; онъ хотѣлъ свою добытую чтеніемъ тему развить въ широкую и величавую поэму, чтобы эта тема была не поводомъ, но основой его произведенія, чтобы такимъ образомъ вся поэма была не выраженіемъ книжнаго искусства, но продолженіемъ и обновленіемъ Гомерическаго эпоса.

Аргонавтики.

По господствовавшему тогда обычаю, Аполлоній упражнялся во многихъ родахъ поэзіи, излагая въ стихахъ даже такіе предметы, изложеніе которыхъ принадлежитъ исторіи и археологіи, каковы, напр., его *Ktiseis*, заключавшія египетскія и родосскія древности. Но слава Аполлонія основывается на главномъ его сочиненіи, которое дошло до насъ въ цѣломъ своемъ видѣ; это — *Argonautica* въ 4 книгахъ и 5835 стихахъ.

По эстетической особенности тогдашняго образованія, поэтъ долженъ былъ все свое искусство направить на ученость и основательное описаніе лица предметовъ. Отсюда и вышло то, что у Аполлонія мало фантазіи и еще менѣе возрѣнія на героическое время, но достаточно чистаго вкуса, трезвой эрудиціи и заботливой техники. Потому-то онъ достаточно собралъ и основательно изучилъ всѣ подходящія сюда произведенія предшествовавшихъ поэтовъ и прозаиковъ, у которыхъ похоть аргонавтовъ изложенъ былъ въ цѣлости, или по частямъ, такъ что, благодаря Аполлонию, мы имѣемъ въ цѣломъ видѣ всѣ легенды объ аргонавтахъ. Далѣе, избранная имъ задача была для него на столько ученой темой, что весь его эпосъ есть полный и основательный результатъ добытыхъ знаній. Это непрерывный разсказъ и точное описаніе путешествія, приведенный въ порядокъ архивъ замѣчательныхъ предметовъ и событій, которыя группируются между выступленіемъ и

возвращеніемъ Язона. Всякіи уклоненія, которыя, по видимому, неизбежны при отрывочности мѣровъ и изложеніи этнографіи и географіи, здѣсь совершенно устранены. Съ этой научной трезвостью соединена забота о надлежащей соразмѣрности частей цѣлаго. Аполлоній именно искусный рассказчикъ, который хотя иногда и уклоняется, но при обработкѣ своихъ предметовъ никогда не забываетъ о надлежащей серединѣ безпристрастнаго повѣствованія, и всегда имѣетъ въ виду болѣе требованія предмета, чѣмъ удовольствіе читателя. Тѣмъ неменѣе строгое изложеніе смягчается у него примѣсъю такихъ чертъ, которыя указываютъ на сочувствіе поэта и возбуждаютъ участіе читателя, это — его умѣренные и часто проникнутыя теплотою сравненія. Это все доказываетъ обдуманную технику внимательнаго художника, который дѣйствуетъ съ осторожностью и яснымъ пониманіемъ дѣла. Но огонь и поэзія ему не лались, и при недостаткѣ собственнаго порыва и живости онъ не можетъ одушевлять читателя. По тѣмъ же причинамъ все широкое теченіе повѣсти остается у него спокойнымъ. Въ соотвѣстствіи съ этимъ у него дѣйствіе не возбуждается богатствомъ характеровъ, сильнымъ пафосомъ и самостоятельными побужденіями, и вмѣсто всерѣшающаго у древнихъ чуда или велѣнія рока у него рука человѣка составляетъ служебное орудіе, которое приводитъ все въ исполненіе. Черезъ это его герои и преимущественно главные, Язонъ и Медея, теряютъ такъ много въ вѣрности и рѣзкой очерченности, что портреты ихъ становятся блѣдными, часто заключаая въ себѣ лишь бѣглый очеркъ, и робкій герой эпоса у него остается также холоднымъ, какъ и отважная при томъ несимпатичная личность Медеи. Читатель слѣдуетъ за всѣми этими событіями только благодаря романической идеѣ рассказа.

Аполлоній разсматриваетъ свой безцвѣтный и безсодержательный міръ не какъ поэтъ, но какъ мѣрографъ, для котораго возрѣнія и образъ мышленія героическаго времени неимѣютъ особеннаго значенія; у его героевъ часто недостаетъ наивной религіозности, и нерѣдко они движутся какъ будто въ абстрактномъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ черты, которыми тонко и заботливо рисуется душевная жизнь и внутренняя сторона страстей, при своей безцвѣтности страдаютъ еще недостаткомъ собственной личной

силы, и указываютъ на рефлексивное отношеніе къ нимъ самаго поэта.

Языкѣ.

Что касается языка *Аргонавтикѣ*, то какъ заимствованный изъ ученыхъ студій, а не результатъ вдохновенной фантазіи, онъ повсюду остается холоднымъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ третьей книги. Въ основу поэтъ взялъ богатый языкъ Гомера, изъ котораго онъ заимствуетъ цѣлыя фразы, но только въ измѣненномъ значеніи, въ силу господствовавшей тогда моды, по которой требовалось давать словамъ значеніе, возможно болѣе противоположное привычному. Кромѣ того, повсюду встрѣчаются слова и фразы, заимствованныя у другихъ поэтовъ, опять по общему характеру александрийцевъ. Вслѣдствіе этого эклектизма *Аполлоній* стоитъ далеко отъ духа гомеровской дикціи, и гармоніи эпическаго изложенія у него нѣтъ. Изъ этихъ же неодинаковыхъ пособій языка выходитъ искусственное лингвистическое сдѣпленіе, въ которомъ звучитъ языкъ то естественный и народный, то искусственный и книжный. И хотя *Аполлоній* и заслуживаетъ признательность хорошаго вкуса, все же языкъ его остается сухимъ и жесткимъ. Особенное стремленіе къ связности и нарочной краткости заставляетъ поэта отказываться отъ эпическаго добродушія и изобразительности. Иногда высказывается тяжелая принужденность, а проистекающій отсюда нѣкоторый недостатокъ естественности служить причиною непонятности нѣкоторыхъ мѣстъ и двусмысленности.

Содержаніе *Аргонавтикѣ*.

Обстоятельства, предшествовавшія походу, были, какъ говорятъ схолиасты, слѣдующія. *Фессалійскій* царь *Эзонъ*, оставилъ своему брату *Пелію* управленіе царствомъ, а сына своего *Язона* отдалъ на воспитаніе *Кентавру Хирону*. По окончаніи ученія, *Язонъ* долженъ былъ получить управленіе царствомъ. Но въ то время, когда *Язонъ* учился, было вѣщаніе оракула *Пелію*, чтобы онъ берегся чловѣка съ однимъ башмакомъ, въ противномъ случаѣ умретъ. *Язонъ*, окончивъ ученіе,

возвращался въ отечественный городъ, и предъ рѣкой Анавромъ, которую слѣдовало переходить, встрѣтилъ богиню Геру, въ видѣ старухи, которая не рѣшилась пуститься въ бродъ. Язонъ взялъ ее на плечи, и при переходѣ черезъ рѣку, потерялъ въ болотѣ одинъ башмакъ. Въ такомъ видѣ онъ явился въ городъ на праздникъ. Тогда Пелій вспомнилъ изреченіе оракуля, и, чтобы избавиться отъ Язона, поручилъ ему предпринять опасный походъ.

Первая книга. Выѣздъ. Герои.

Поэтъ испрашиваетъ вдохновенія у Аполлона, рассказываетъ поводъ похода и пересчитываетъ всѣхъ героев: Орфея, Астеріона, Полифема, Ификла, Корона, Мопса, Теламона, Тесея, Приѳоя, Геракла, Гиласа, Полидевка и Кастора и пр., которые собираются въ походъ изъ Пагасъ. Язонъ старается утѣшить плачущую мать и, не обращая вниманія ни на чьи просьбы, идетъ къ берегу, гдѣ уже собрались нѣкоторые герои, и избирается предводителемъ. По его приказанію, прекрасно устроенный корабль „Арго“ спускаютъ на море и ставятъ жертвенникъ Аполлону. На спущенномъ кораблѣ учреждается богослуженіе и назначается жрецъ. Вечеромъ учреждается пиршество, на которомъ Орфей воспѣваетъ происхожденіе міра и дѣянія боговъ. Съ разсвѣтомъ, при пѣсняхъ Орфея, vyplываютъ въ море и послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, достигаютъ острова Лемноса. Дальше пребываніе у лемносянокъ и выѣздъ по настоянію Геркулеса, прибытіе къ Кизику и пребываніе на этомъ островѣ. Послѣ этого аргонавты испытываютъ 12-ти-дневную бурю, и приносятъ жертву матери боговъ, Реѣ, прося объ усмирении бури. Наконецъ, оставляютъ островъ и достигаютъ Коса, гдѣ жители принимаютъ ихъ гостеприимно. Между тѣмъ Гиласъ, любимецъ Геркулеса отправился напиться воды изъ источника и остался въ водѣ: водная Нимфа потянула его въ воду. Полифемъ рассказываетъ объ этомъ Геркулесу и оба ищутъ Гиласа и такимъ образомъ остаются на островѣ. Теламонъ настаивалъ вернуться, но сыны Борея воспротивились. Вслѣдствіи Геркулесъ умертвилъ ихъ. Во время этого спора Главкъ сталъ доказывать, что, видя,

Зевесу не угодно, чтобы Геркулесъ прибылъ въ Колхиду, и что такова уже судьба ихъ, чтобы одинъ (Геркулесъ) окончилъ подвиги свои въ Аргосѣ, другой (Полифемъ) погибъ въ Мисии, а третій (Гиласъ) жилъ съ Нимфой. Между тѣмъ жители острова Коса общаются Геркулесу не переставать въ поискахъ за Гилласомъ и даютъ ему сыновей своихъ въ заложники. Аргонавты безъ особенныхъ включеній приплываютъ къ острову Бебрику.

Книга вторая. Отъ Бебрика до Колхиды.

На Бебрикѣ жилъ свирѣпый царь Амикъ, который всѣхъ приставившихъ къ нему иноземцевъ заставлялъ вступать съ нимъ въ бой. Тоже случилось и съ аргонавтами. Вызовъ принялъ Поллуксъ и вступилъ съ Амикомъ въ упорный и продолжительный бой, кончившійся смертію Амика. Бебрики, въ отмщеніе за смерть своего царя, сами вступили въ битву съ аргонавтами, но были разбиты. Аргонавты устраиваютъ пиръ и на другой день, съ богатою добычею, плывутъ черезъ Босфоръ и пристають къ берегамъ Виениіи. Прорицатель Финей; наказаніе его и избавленіе отъ Гарпій. Пиръ аргонавтовъ у Финея. Послѣдній предупреждаетъ ихъ о дальнѣйшемъ плаваніи и, по просьбѣ Язона, въ нѣсколькихъ словахъ, указываетъ имъ ходъ дѣла въ Колхидѣ. Возвращеніе сыновъ Борея, прибытіе къ Финею поселенъ и жертвоприношеніе. Съ наступленіемъ утра подули сильныя вѣтры, продолжавшіеся 40 дней, и только сооруженіемъ 12 жертвенниковъ и принесеніемъ жертвъ герои могли ихъ утишить и поплыть дальше и послѣ продолжительнаго времени приплываютъ къ пустынному острову Оиніадѣ, гдѣ воздвигаютъ жертвенникъ Аполлону и при пѣсняхъ Орфея приносятъ жертвы, присягая другъ другу въ вѣрности. Затѣмъ продолжаютъ плаваніе до страны Маріандиновъ, царь которой принялъ аргонавтовъ гостепріемно и далъ имъ въ спутники своего сына. Здѣсь же аргонавты лишились двухъ своихъ товарищей: Идмона, который былъ растерзанъ дикимъ кабаномъ и Тифиса, умершаго отъ болѣзни. По окончаніи траура продолжаютъ плаваніе, и на 12-й день пристають къ устью рѣки Каллихора. На берегу посѣщаютъ могилу героя

Сөөнела и пристають къ землѣ Амазонокъ, съ которыми едва было не вступили въ бой. Встрѣчаются съ новыми странными народами и на островѣ Аретіадѣ подвергаются нападенію птицъ съ чрезвычайно острыми перьями, отъ которыхъ избавляются только всеобщимъ крикомъ и стукомъ щитовъ. Здѣсь они должны были остановиться тѣмъ болѣе, что встрѣтились съ сыновьями Фрикса, которые просили помощи у аргонавтовъ. Язонъ, признавъ ихъ родственниками и считая встрѣчу съ ними счастливымъ предзнаменованіемъ, принялъ ихъ на корабль и послѣ непродолжительнаго плаванія аргонавты увидѣли вершины Кавказа. Надъ кораблемъ ихъ леталъ орелъ, терзавшій Прометея. Слышны были даже самые стоны этого титана. Наконецъ, наши герои плывутъ по рѣкѣ Фазису и вступаютъ въ Колхиду.

Третья книга. Медея.

Испросивъ вдохновенія, поэтъ рассказываетъ, что Паллада и Гера согласились помогать Язону, и признали лучшимъ для этого средствомъ просить Афродиту, чтобы она возбудила въ Медеѣ, дочери Колхидскаго царя и владѣтеля руна—Ээта, любовь къ Язону. Афродита соглашается оказать свое содѣйствіе и приказываетъ Эроту поразить Медею стрѣлою. Между тѣмъ аргонавты условливаются объ общемъ планѣ дѣйствій и прежде всего Язонъ рѣшается отправиться, во главѣ посольства, къ Ээту и просить о возвращеніи золотого руна. Съ сыновьями Фрикса и другими товарищами Язонъ достигаетъ роскошнаго дворца, гдѣ его встрѣтилъ самъ Ээтъ съ семействомъ. Явился и Эроть, поразившій Медею пылкою любовью къ Язону. Пиръ, послѣ котораго Ээтъ спросилъ своихъ внуковъ о причинѣ ихъ прибытія и, узнавши, пришелъ въ сильное негодованіе. Язонъ отвѣчалъ съ почтительностію Ээтъ успокоился, но предложилъ слѣдующее условіе: запрячь огнедышущихъ быковъ, вспахать поле, засѣять его зубами змѣя и сразиться съ рожденными изъ зубовъ воинами. Язонъ долженъ былъ согласиться и возвратился на корабль. Медея оплакиваетъ судьбу Язона.

Старшій сынъ Фрикса и другъ Язона, Аргъ, говорить, что убѣдить Медею помочь Язону чарами, а изъ

аргонавтовъ многіе рѣшаются за Язона вступить въ бой. При всеобщей радости, аргонавты отпускаютъ Ар-га въ городъ и корабль вытаскиваютъ на берегъ. Въ это время Ээтъ, созвавши совѣтъ, предлагаетъ тяжкое наказаніе пришельцамъ и приказываетъ наблюдать за кораблемъ и моряками; а Аргъ проситъ мать склонить Медею на сторону аргонавтовъ, тогда какъ въ тоже время Медей снился Язонъ. а пробудившись, она желала пойти къ сестрѣ и поговорить объ Язонѣ, но стыдъ удержалъ. Приходъ сестры. Бесѣда съ сестрою. Душевное состояніе Медеи. Развитие чувства любви. Рѣшимость Медеи помочь Язону чарами (лучшее мѣсто въ книгѣ). Волшебныя травы и приготовленіе ихъ. Свиданіе Медеи съ Язономъ во храмѣ, гдѣ Язонъ проситъ ее о помощи, и полученіе чаръ, съ подробнымъ наставленіемъ, какъ ихъ употреблять. При этомъ Медея плачетъ, что онъ далеко уѣдетъ, и проситъ забывать ее и рассказать свое происхожденіе. Язонъ исполняетъ ея просьбу и обѣщаетъ увезти ее въ Грецію. На другой день аргонавты требуютъ отъ Ээта зубовъ дракона для посѣва, а съ наступленіемъ ночи Язонъ приноситъ жертву Гекатѣ. Въ слѣдующее утро Ээтъ, въ вооруженіи и въ сопровожденіи множества народа, выходитъ на площадь, чтобы присутствовать при боѣ, куда является и Язонъ, намазавъ ядомъ мечъ, щитъ и копье. Здѣсь онъ беретъ мѣдный шлемъ, наполненный зубами дракона, выпускаетъ изъ стойла быковъ, запрягаетъ ихъ въ ярмо, вспахиваетъ землю и сѣетъ зубы дракона; выпрягаетъ воловъ и отходитъ къ рѣкѣ утолить жажду. Въ это время изъ посѣянныхъ зубовъ выросли вооруженные люди. По совѣту Медеи, Язонъ бросаетъ въ нихъ круглымъ камнемъ, вслѣдствіе чего они бросаются другъ на друга и падаютъ въ междоусобной войнѣ. Оставшихся Язонъ поражаетъ своимъ мечемъ. Ээтъ съ великою скорбію возвращается въ городъ.

Книга 4-я. Возвращеніе.

Испросивъ вдохновеніе, поэтъ описываетъ гнѣвъ Ээта, и бѣгство Медеи съ аргонавтами. Сіявшая луна указала ей путь къ берегу рѣки, у которой аргонавты празднова-

ли побѣду и приняли Медею, выразившую при этомъ желаніе помочь имъ въ полученіи руна. По ея убѣжденію аргонавты немедленно отправились къ священной рощѣ, гдѣ Медея усыпила страшнаго дракона, и Язонъ снялъ съ священнаго дуба золотое руно, приказавъ немедленно готовиться къ обратному плаванію. Ээтъ и Колхи узнавъ о преступленіи Медеи, составляютъ народное собраніе, при чемъ Ээтъ назначаетъ жестокія казни гражданамъ, если не доставятъ Медеи, и колхи, въ тотъ же день, въ двухъ направленіяхъ, пускаются въ погоню за аргонавтами, которые въ это время у пафлагонскихъ береговъ приносили благодарственную жертву Гекатѣ, а оттуда поплыли къ устью Дуная. Преслѣдовавшіе ихъ колхи, наконецъ, настигаютъ, но заключаютъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: золотое руно остается за аргонавтами, но Медея будетъ оставлена на островѣ Делосѣ, гдѣ безпристрастные судьи рѣшатъ, возвратиться ли ей къ отцу, или ѣхать въ Грецію. Но когда колхидяне вступали на островъ, на нихъ напали аргонавты и умертвили. За этой погоней послана была вторая, которая, однако, высадилась на берегу Иллирии и заселила его, а аргонавты, послѣ долгихъ странствованій пристають, наконецъ, къ острову Цирцеи.

Между тѣмъ Юнона упросила Эола сдерживать вѣтры, кромѣ Зефира, а Фетиду не допускать корабля аргонавтовъ къ Сциллѣ и Харибдѣ. Просьба Юноны была исполнена, и аргонавты, пристали къ Тирренскому берегу, а оттуда къ острову Сирень, который должны были уступить могущественному обаянію волшебной орфеевой кивары. Столь же благополучно они миновали Сциллу и Харибду. Видѣли быковъ Солица и радушно приняты были Алкиноемъ. Въ это же время прибыли колхидяне, преслѣдовавшіе аргонавтовъ по другой дорогѣ. Но Арета, жена Алкиноя, приняла Медею подъ свою защиту, потребовавъ отъ Язона, чтобы онъ вступилъ въ супружество съ Медеею. Поэтому совершенно было брачное торжество и колхи, не желавшіе возвращаться къ Ээту, просили остаться на островѣ. На седьмой день герои простились съ Алкиноемъ и ѣхали на родину, но внезапная буря выбросила ихъ корабль на берега Африки, гдѣ они пришли на то священное поле, на которомъ змѣй сторожилъ золотыя яблоки и гдѣ жили Геспериды. Оттуда герои благополучно прибыли въ

Критѣ, а затѣмъ на одномъ изъ Спорадскихъ острововъ принесли жертву Аполлону. Оттуда прибыли къ острову Эвбеѣ, и затѣмъ возвратились въ отечественную пристань. Остается сказать нѣсколько заключительныхъ словъ объ Аполлоніи Родосскомъ. Дѣятельностью этого поэта оканчивается классическій періодъ литературной обработки героическаго эпоса. Сообразно съ общимъ положеніемъ александрійской поэзіи, Аполлоній стоитъ на рубежѣ умирающей эллинской поэзіи и зарождающейся новой, греко-египетской. Онъ первый положилъ основаніе тому фантастическому эпосу, который въ послѣдствіи такъ широко развился въ школѣ Нонна и образовалъ новый эпосъ мифографическій. Но, при всемъ своемъ эклектизмѣ и подражательности, Аполлоній сообщаетъ много художественности и естественности, и его аргонавтикамъ далеко не свойственна та подражательность и то полное отсутствіе исторической почвы, какія характеризуютъ послѣдовавшій за александрійскимъ эпосомъ эпосъ мифографическій и апокрифическій.

Каллимахъ.

О жизни Каллимаха извѣстно очень немного. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ его школастами и изъ незначительныхъ отрывковъ, оставшихся отъ его твореній, мы знаемъ только, что онъ родился въ Киренѣ и былъ сынъ неизвѣстныхъ намъ, Ватта и Месатмы, которые, вѣроятно, вслѣдствіе присоединенія Кирены къ Египту, переселились въ Александрію и здѣсь поручили воспитаніе Каллимаха извѣстному грамматикъ Гермократу. Удовлетворяя существовавшей тогда общей склонности къ путешествіямъ, Каллимахъ посѣтилъ славившіеся въ то время центры образованности. Въ одно изъ такихъ путешествій по Средиземному морю, онъ написалъ элегію о счастіи того, кто довольствуется малымъ, а въ пребываніе въ Аргосѣ написалъ гимнъ по поводу совершавшагося тамъ праздника Минервы. Годъ рожденія его и смерти неизвѣстенъ. Несомнѣнно только то, что онъ жилъ и славился при Птоломеевѣ Филадельфѣ и Птоломеевѣ Эвергетѣ. Сначала Каллимахъ былъ учителемъ грамматики въ одномъ изъ предмѣ-

стей Александрии, но въ послѣдствіи, когда слава объ его поэтическомъ талантѣ распространилась по всей Александрии, былъ приглашенъ къ царскому двору и былъ сначала придворнымъ поэтомъ, жившимъ наравнѣ съ прочими учеными въ Музеѣ, а въ послѣдствіи кромѣ того и бібліотекаремъ, и вѣроятно управлялъ Музеемъ. По недостатку данныхъ, мы не можемъ судить, какое онъ оказывалъ вліяніе на своихъ собратьевъ и на молодыхъ ученыхъ, когда постепенно возвышаясь, достигъ, наконецъ, высшаго положенія въ тогдашнемъ ученоемъ александрійскомъ обществѣ. Судя по той враждѣ, которую онъ питалъ къ Аполлонію Родосскому, и которая заставила Аполлонія бѣжать даже изъ Александрии, и принимая во вниманіе дошедшія до насъ его эпиграммы, можно только догадываться, что это вліяніе носило характеръ властолюбивый и законодательный. Каллимахъ былъ представителемъ и вмѣстѣ руководителемъ цѣлой школы, изъ которой вышло много замѣчательныхъ ученыхъ, напр., Эратосфенъ, Аристофанъ, Истръ, Гермиппъ и др., и школа Каллимаха была первая филологическая школа, оказавшая такъ много услугъ въ очисткѣ текста древнихъ авторовъ и въ составленіи извѣстнаго александрійскаго канона.

Общій характеръ элегической поэзіи александрійскаго періода.

Элегія, начавшаяся у іонянъ выраженіемъ скорбныхъ чувствованій и у аттиковъ прибавившая къ этому изображеніе всякихъ личныхъ ощущеній вмѣстѣ съ правилами политической и житейской мудрости, у александрійцевъ служила лишь поэтической формой, которая пригодна для выраженія всякаго содержанія. Это отсутствіе одного общаго содержанія для элегіи доказывало, что и этотъ родъ поэзіи, подобно прочимъ, долженъ былъ прекратиться и выродиться въ другой. И дѣйствительно, александрійская элегія перешла въ послѣдствіи въ антологию, оказавшуюся посредствующимъ звеномъ между предшествовавшимъ періодомъ классическимъ и послѣдующимъ византійскимъ.

На первыхъ порахъ александрійскіе элегики продолжали развивать то направленіе, которое перешло къ нимъ

16050

отъ элегии іонійско-аттической. Въ послѣдствіи, какъ у
каждаго писателя въ отдѣльности, такъ у цѣлой ихъ груп-
пы, предметомъ элегии становится все то, что только могло
составлять предметъ тогдашней поэзіи. Въ элегическихъ
двустішіяхъ стали излагаться міеологія, субъективныя ощу-
щенія, гимны, путешествія и всякія ученыя замѣтки, и на
элегію александрійцы обратили главное свое вниманіе. Они
снабжали ее всѣми сокровищами своей начитанности, и
этимъ ученымъ украшеніямъ давали первое мѣсто. Римскіе
элегики, которые переводили и подражали александрійцамъ,
даютъ намъ много образцовъ элегии послѣднихъ, но и изъ
тѣхъ отрывковъ, какіе дошли до насъ отъ александрій-
скихъ элегиковъ, и преимущественно изъ Каллимаха, счи-
тавшася образцемъ, видно, что любимую и почетною дѣя-
тельностью была для нихъ міеическая образность и науч-
ность возрѣвій. Это служило для нихъ вдохновеніемъ и
вмѣстѣ образцемъ для составленія психологическихъ кар-
тинъ. Но кромѣ элегий съ преобладающимъ дидактическимъ
тономъ александрійцы писали элегии, въ которыхъ менѣе
давала себя чувствовать ихъ ученость и званіе грамматика.
Ихъ жизнь, богатая индивидуальнымъ содержаніемъ, давала
не мало мотивовъ для элегической поэзіи. И хотя они
злѣсь имѣли въ виду іонійскихъ элегиковъ, но оставленныя
ими картины дружбы, любви и особенно прелестныя образ-
ны тихой жизни, заслуживаютъ самое серьезное вниманіе.
Въ такихъ элегіяхъ сила страсти и чувства достигаетъ
высокой степени, и изображается ими вполне художествен-
но, какъ это доказывается заимствованіями Тибулла, Про-
перція, Катулла, Овидія, которые, какъ извѣстно, нѣкото-
рыя элегии александрійцевъ цѣликомъ переносили на свою
почву, особенно изъ Каллимаха. Александрійскимъ элери-
камъ, какъ и всѣмъ поэтамъ древности, не была извѣстна
борьба жизни, борьба общественныхъ слоевъ, потому и въ
ихъ элегіяхъ не затрогивались общественные вопросы; имъ
была доступна только личная, индивидуальная жизнь; и
дѣйствительно, здѣсь они оказались высокими художниками.
Эта индивидуальность отличаетъ тѣ ихъ картины съ ми-
еологическимъ содержаніемъ, которыя служатъ изображе-
ніемъ тихой жизни, разныхъ душевныхъ порывовъ. Въ
этихъ идиллическихъ элегіяхъ, ихъ ученость принимаетъ
вполнѣ популярный характеръ и, оставаясь дидактическимъ

стихотвореніемъ, элегія служить въ тоже время выраженіемъ субъективныхъ ощущеній. Эта дидактическая метода александрійской элегіи, лучшая, какая только могла быть въ это время, и дала александрійскимъ элегикамъ право на почетное мѣсто въ исторіи греческой поэзіи.

Сочиненія Каллимаха.

Дѣятельность Каллимаха, какъ литератора и поэта, была чрезвычайно обширна. До насъ дошло 41 названіе его сочиненій, составлявшихъ, по свидѣтельству его схоластовъ, 800 книгъ. Какъ бы ни было это число преувеличено, его дѣятельность поражаетъ своею производительностію. Изъ тѣхъ отрывковъ, которые до насъ дошли въ стихахъ и прозѣ, видно, что Каллимахъ испытывалъ свои силы на всѣхъ, существовавшихъ въ его время видахъ словесности; но главная его заслуга основывается на двухъ весьма важныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ выказалась вся его ученость и вся сила таланта, это—*Aitia* и *Pinakes*. Первое сочиненіе, состоявшее изъ 4 книгъ и написанное элегическими двустішіями, было богатое собраніе мѣтовъ, или энциклопедія греческихъ древностей и народныхъ легендъ, излагавшая преимущественно происхожденіе городовъ, культовъ и народныхъ праздниковъ. Это собраніе отличалось такою полнотою, что служило не исчерпаемымъ источникомъ для римскихъ поэтовъ, которымъ они пользовались преимущественно предъ прочими сборниками подобного рода. (Какъ извѣстно, Овидій, по образцу *Aitia* составилъ свои *Fasti*). Отъ этого, главнаго сочиненія Каллимаха, до насъ дошли самыя незначительныя отрывки. Второе сочиненіе Каллимаха, положившее начало исторіи греческой литературы, было *Pinakes*, въ которомъ, въ 120 книгахъ, и притомъ по отдѣламъ: (дионисимическій, спенический, историческій, философскій — откуда и самое названіе сочиненія) было изложено содержаніе всѣхъ сочиненій, находившихся въ отдѣлахъ Алекс. библіотеки. Оставляемъ въ сторонѣ прочія его прозаическія и глубоководныя сочиненія, и возвратимся къ поэтическимъ. Древніе, и особенное римскіе писатели, считали Каллимаха образцовымъ

элегикомъ. Проперцій называетъ его *purus poeta*. Eleg. III, VII, 43; Квинтиліанъ—*princeps*. Quintil. X. 1, 58. Овидій говоритъ о немъ: *Battiades semper toto cantabitur orbe, quamvis ingenio non valet, arte valet*. Amor. I, XV, 13. Къ сожалѣнію, изъ его элегій до насъ дошли только незначительные отрывки. Судя по этимъ отрывкамъ и по отзывамъ древнихъ, видно, что его элегіи принадлежали преимущественно къ роду эротическихъ произведеній, и между ними первое мѣсто занимала элегія „Кидиппа“, считавшаяся образцемъ элегическаго искусства. Затѣмъ пользовалась большою извѣстностью, и также какъ „Кидиппа“, была переведена на латинскій языкъ Катулломъ, элегія „Къ локону Вереники“—*Catulli soma Berenices*. Большимъ поэтическимъ талантомъ отличается третья элегія Каллимаха „На омовеніе Паллады“ (написана на дорическомъ нарѣчій), столько же извѣстная, какъ и предыдущія, хотя ее относятъ и къ гимнамъ, такъ какъ общаго съ элегіей, если не считать элегическихъ двустишій, она имѣетъ очень мало. Поводомъ къ составленію ея былъ ежегодно торжественно совершаемый въ Аргосѣ праздникъ Миневры, во время котораго везли колесницу и статую богини по городу и затѣмъ погружали въ рѣку.

Гораздо лучше элегій сохранились и дошли до насъ эпиграммы Каллимаха въ числѣ 60. Онѣ отличаются своею сжатостію, отрывочностью, тонкимъ остроуміемъ и строгою обдуманностью. Содержаніе ихъ самое разнообразное. 29, 31 и 41—46 эротическаго свойства; въ нихъ заключаются разныя любовныя признанія поэта. Нѣкоторые принадлежатъ къ роду *anathemata* и *epitymbia* (5, 21, 35); нѣкоторые заключаютъ поэтическія признанія и литературныя воспоминанія (8, 28, 2, 6, 27), нѣкоторыя писаны на случаи (37—40). При всей своей краткости и отрывочности, эпиграммы Каллимаха служатъ вѣрнымъ отраженіемъ того образа мыслей, какого держался ихъ авторъ и его современники. Остается сожалѣть только, что эти эпиграммы, составляющія, вѣроятно, цѣлый антологическій сборникъ, дошли до насъ въ такомъ маломъ количествѣ.

Гимны Каллимаха (до насъ дошло ихъ шесть) представляютъ собою стихотворенія, которыя Каллимахъ, какъ

придворный поэтъ, писалъ послучаю устраиваемыхъ Птоломеями великолѣпныхъ праздниковъ. Это сухія произведенія, наполненныя множествомъ ссылокъ на мифологію и древности, и имѣющія мало поэтическаго достоинства, какъ и религіознаго духа. Составлены весьма тщательно, съ риторическими украшениями и книжной мудростію. Художественныхъ чертъ они заключаютъ мало, и вообще требуютъ читателя-специалиста, который одинъ только можетъ замѣтить всю ту обстоятельность, остроуміе и счастливые обороты, которыми наполнены эти заботливо составленные стихотворенія. Но болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія гимнъ „Діанѣ“, составленный съ талантомъ, и гимнъ „Деметрѣ“, составленный вѣроятно по случаю одного изъ тѣхъ праздниковъ, которыми такъ славилась Птоломеи. Последний считался образцемъ александрійской ученой поэзіи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его элегій есть мѣста, написанныя съ большимъ вкусомъ, какъ напр., въ гимнѣ „Діанѣ“ сцена въ дѣтской комнатѣ (60 и sq.) и охотничья пѣсня, или Гераклъ и Артемида на Олимпѣ (146 и sq.). И въ гимнѣ „Деметрѣ“ есть замѣчательное мѣсто, это голодъ Эрисихѳона (67 и sq.) Тѣмъ не менѣе, при первомъ знакомствѣ съ этими гимнами, становится яснымъ, что въ его мифологическихъ картинахъ, какъ и у Аполлонія Родоскаго, боги и люди дѣйствуютъ не такъ, какъ требуетъ этого характеръ дѣйствующаго лица, но такъ, какъ требуетъ этого писатель, и въ мышленіи ихъ мы видимъ мысли ученаго александрійскаго поэта, а не отраженіе умственнаго и нравственнаго мира давно минувшаго періода.

Что касается его мифическаго эпоса *Nesale* и сатирическаго стихотворенія *Ibis*, а равно его *холиямбовъ*, то отъ нихъ остались такіе незначительные отрывки, что сказать что либо положительное о литературномъ достоинствѣ этихъ произведеній мы не имѣемъ возможности.

Въ героическомъ эпосѣ, элегій и буколической поэзіи выразился духъ александрійскаго періода греческой поэзіи, и представители этихъ трехъ видовъ поэзіи Аполлоній Родосскій, Каллимахъ и Теокрытъ, осуществили въ своихъ произведеніяхъ духъ и вкусъ этого времени. Что же касается эпоса дидактическаго, въ которомъ упражнялся едва-ли не всякій образованный человекъ того времени, то содержаніе его такъ многосторонне и самъ онъ настолько укло-

нился отъ настоящихъ задачъ поэзіи, что изложеніе его отвлекло бы насъ далеко въ сторону, и заставило бы говорить о тѣхъ явленіяхъ въ области александрійской литературы, которыя относятся скорѣе къ исторіи прозы этого періода, потому что дидактическій эпосъ именно служилъ замѣной этой недостававшей новой, хорошей прозы.

отъ зинжолан отъ ниссон агадас ахмисотэи ато ваини
 оловъ нб ольнатоас и уноротэ аи ольнэд аон нб ольнато
 вротни йонэйиридиясэля нтэвло аи ахмисотэи ахт о ати
 ототэ нсони ниротэи аи ахмисотэи ахт о ати
 ахмисотэи ахт о ати ахмисотэи ахт о ати
 ахмисотэи ахт о ати ахмисотэи ахт о ати